

ЕЎРАПЕЙСКІ ГУМАНІТАРНЫ УНІВЕРСІТЭТ

ЦЭНТР ЯЎРЭЙСКІХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

ЦАЙТШРЫФТ

ЧАСОПІС

для даследвання яўрэйскай гісторыі, дэмаграфіі і эканомікі,
літаратуры, мовы і этнаграфіі

ТОМ 10 (5)

МЕНСК – ВІЛЬНЯ

2016

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ЕВРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦАЙТШРИФТ

ЖУРНАЛ

по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы,
языка и этнографии

ТОМ 10 (5)

МИНСК – ВИЛЬНЮС

2016

Научно-консультативный совет:

проф. Надежда Аблова (Беларусь)
д-р Феликс Акерманн (Германия)
проф. Эяль Бен-Ари (Израиль)
д-р Ирена Вайшвилайте (Литва)
д-р Юргита Вербицкене (Литва)
д-р Семен Гольдин (Израиль)
д-р Аркадий Зельцер (Израиль)
д-р Михаил Кизилов (Россия)
д-р Евгений Котляр (Украина)
д-р Илья Лурье (Израиль)
д-р Виктория Мочалова (Россия)
проф. Алексей Сиверцев (США),
д-р Павел Терешкович (Беларусь)
д-р Велвл Чернин (Израиль)
проф. Шауль Штампфер (Израиль)
д-р Дебора Ялен (США)

Главный редактор:

Дмитрий Шевелёв (Беларусь)

Редакционная коллегия:

Андрей Замойский (Беларусь)
Анастасия Иокша (Армения)
Артур Марковский (Польша)
Александра Полян (Россия)
Евгений Розенблат (Беларусь)
Инна Соркина (Беларусь)

<http://tsaytshrift.com>

Ежегодник основан в 2011 году.

Этот том вышел благодаря помощи профессора Томаса Э. Бэрда.

В левом нижнем углу обложки фрагмент картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти».

ISSN 2029-9486

Европейский гуманитарный университет
Tauro g., 12, LT-01114
Vilnius, Lithuania

Advisory Board:

Prof. Nadezhda Ablova (Belarus)
Dr. Felix Ackermann (Germany)
Prof. Eyal Ben Ari (Israel)
Dr. Velvl Chernin (Israel)
Dr. Semyon Goldin (Israel)
Dr. Mikhail Kizilov (Russia)
Dr. Eugeny Kotlyar (Ukraine)
Dr. Iliia Lurie (Israel)
Dr. Viktoria Mochalova (Russia)
Prof. Alexei Sivertsev (USA)
Prof. Sha'ul Stampfer (Israel)
Dr. Pavel Tereshkovich (Belarus)
Dr. Irena Vaišvilaitė (Lithuania)
Dr. Jurgita Verbickienė (Lithuania)
Dr. Deborah Yalen (USA)
Dr. Arkady Zeltser (Israel)

Editor-in-chief:

Dr. Dzmitry Shavialiou (Belarus)

Editorial board:

Dr. Anastasiya Ioksha (Armenia)
Dr. Arthur Markowski (Poland)
Dr. Alexandra Polyani (Russia)
Dr. Evgeni Rozenblat (Belarus)
Dr. Ina Sorkina (Belarus)
Dr. Andrei Zamoiski (Belarus)

<http://tsaytshrift.com>

The annual has been founded in 2011.

This issue has been published thanks to a financial support from Professor Thomas E. Bird.

There is a fragment of the work by Salvador Dali «The Persistence of Memory» on the bottom right hand corner of the cover.

ISSN 2029-9486

European Humanities University
12 Tauro str., LT-01114
Vilnius, Lithuania

© Европейский гуманитарный университет, 2016
© Центр еврейских исследований, 2016
© Коллектив авторов, 2016

© European Humanities University, 2016
© The Center for Jewish Studies, 2016
© The contributors to the volume, 2016

Содержание

Ад рэдакцыі	5
От редакции	6
Editors' Notes	7

Исторический отдел

Тема номера: Историческая память

З. Копельман

«Рассказывает мало, а скрывает много»: фиксация истории в художественной прозе Ш. Й. Агнона	8
--	---

Е. Розенблат, И. Еленская

Историческая память о межэтнических отношениях и повседневной жизни в 20–30-х годах XX века в отражении устных воспоминаний жителей западных областей Беларуси	28
---	----

В. Месамед

Сохранение культурно-исторического наследия иранских евреев в Исламской Республике Иран	45
--	----

Священник Гордей Щеглов

Шауль Черниховский в годы Великой войны: минская эпопея	54
---	----

А. Марковский

США и еврейский погром в Белостоке в 1906 году: политика и общественное мнение	72
--	----

М. Гончарок

Анархизм и сионизм: дебаты о еврейской национальной идентичности	87
--	----

Источники

Д. Рублев

«Газета наша сделала невероятные успехи». Письма Ш.-Й. Яновского М. И. Гольдсмит в 1899–1925 гг.	110
---	-----

А. Замойский

Разделённые архивные коллекции: документы Минского еврейского кагала	156
--	-----

Ближневосточный отдел

Е. Диденко

КНР и ближневосточное урегулирование: общественное мнение, экспертные оценки, офици- альная позиция	162
--	-----

Искусствоведческий отдел

Е. Рейхер (Темина)

О профессионализме в музыкальной традиции среднеазиатских (бухарских) евреев	175
--	-----

Обзоры и рецензии

А Безаров

Рец. на: Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб.: Алетейя, 2014. 488 с. 196

І. Соркіна

Навуковыя навінкі польскай іудаікі

Buszko P. Żyd Żydem. Wizerunek Żyda w kulturze ludowej podlaskich prawosławnych Białorusinów. Miasteczko Orla. Warszawa: In-t Slawistyki PAN, 2012. 208 s.

Бушко П. “Жыд жыдам”. Вобраз яўрэя ў народнай культуры падляскіх праваслаўных беларусаў: Мясцічка Орля. Варшава: Ін-т славістыкі ПАН, 2012. 208 с. 205

Stepniewska-Holzer B. Żydzi na Białorusi: Studium z dziejów strefy osiedlenia w pierwszej połowie XIX w. Warszawa: Wyd-wo UW, 2013. 232 s.

Стэпнеўская-Хольцэр Б. Яўрэі ў Беларусі: вывучэнне гісторыі мяжы аселасці ў першай палове XIX ст. Варшава: Выд-ва Варшаўскага ун-та, 2013. 232 с. 206

Michałowska-Mycielska A. Sejm Żydów Litewskich (1623–1764). Warszawa: Wyd-wo “Dialog”, 2014. 326 s.

Міхалоўская-Мыцельская Г. Сейм літоўскіх яўрэяў (1623–1764). Варшава: Выд-ва “Дыялог”, 2014. 326 с. 207

Petrovsky-Shtern Y. Sztetl: Rozkwit i upadek żydowskich miasteczek na Kresach Wschodnich. Kraków: Wyd-wo UJ, 2014. 408 s.

Пятроўскі-Штэрн Ё. Штэтл: росквіт і заняпад яўрэйскіх мястэчак на крэсах Усходніх. Кракаў: Выд-ва Ягелонскага ун-та, 2014. 408 с. 208

Рец. на: Wunsch Gaarman, M. V. The War in Our Backyard. The Bosnia and Kosova Wars through the Lens of the German Print Media. Berlin: NeofelisVerlag, 2015. 294 p.

Рец. на: Вунш Гаарман, М. В. Война на наших задворках. Войны в Боснии и Косово в немецкой печати. Берлин, 2015. 294 с. 210

Рец. на: Tuszewicki, Marek. Żaba pod językiem. Medycyna ludowa Żydów aszkenazyjskich na przełomie XIX i XX wieku. Kraków – Budapeszt: Wyd-wo Austeria, 2015. 566 s.

Рец. на: Тушевицкий М. Жаба под языком: Народная медицина евреев-ашкеназов на рубеже XIX-XX вв. Краков - Будапешт: Изд-во «Аустерия», 2015. 566 с. 212

Summaries /Рэзюмэ. 214

Наши авторы / Contributors. 224

Contents. 226

На идише

От редакции. iii

Резюме. v

Е. Розенблат, И. Еленская

Историческая память о межэтнических отношениях и повседневной жизни в 20–30-х годах XX века в отражении устных воспоминаний жителей западных областей Беларуси

Ландшафт исторической памяти жителей западных областей Беларуси о периоде вхождения этой территории в состав Польши в 1921 – 1939 гг. вмещает воспоминания о детстве, семье, повседневных заботах, обычаях и традициях. Значительное место в воспоминаниях занимают сведения об этнических группах соседей – евреях и поляках.

С 1998 г. в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина силами преподавателей и студентов исторического факультета организована работа по сбору воспоминаний жителей западных областей Беларуси. Работа ведется по специально разработанному вопроснику в форме свободного интервью. Накопленный материал позволяет сделать выводы о характере межэтнических отношений, ментальности белорусов, социальных, религиозных и нравственных ориентирах поведения представителей различных этнических групп в определенных социальных условиях.

Следует учитывать, что воспоминания представителей старшего поколения транслируют не столько объективные представления о евреях и поляках, которые в восприятии окружающего населения являлись носителями чужой культуры и религии, сколько субъективные и, безусловно, мифологизированные суждения, основанные на наиболее распространенных этностереотипах.

Исторически сложилось так, что социальная структура жителей западных областей Беларуси в значительной степени коррелировалась с этнической структурой населения. Особенностью ситуации здесь в 1920-е – 1930-е гг. являлось разделение, специализация деятельности по национальному признаку. Поляки представляли элиту – интеллигенцию (служащих), белорусы составляли основную часть крестьянства, евреи доминировали в сфере бизнеса и коммерции – производстве и торговле. Существование подобной модели в значительной степени препятствовало смешиванию этнических групп на рабочих местах, ограничивало возможности и масштабы межэтнических контактов.

Многие воспоминания жителей западных областей Беларуси связаны с коммерческой деятельностью евреев. Евреи выступали в роли связующего звена между городом и селом, вели торговлю, участвуя в сделках «купли–продажи». Широкое хождение в Западной Беларуси имеют рассказы о еврейской предприимчивости, изворотливости, способностях обманывать и таким образом наживаться за счет христиан. Сам род занятий евреев – их активное участие в торговле – определял со стороны принимающего общества реакцию настороженности, подозрительности и уверенности в том, что богатство евреев не может быть следствием честного труда. Согласно крестьянской ментальности труд, понимается как тяжелая физическая

работа, этим отчасти объясняется позиция многих респондентов, которые отказываются считать евреев людьми, честно зарабатывающими на кусок хлеба. Традиционные занятия евреев ремеслом и торговлей трактовались в то время и объясняются до сих пор как средство сознательно избежать участия в единственно праведном способе получения средств к существованию – земледелию.

Одним из наиболее обсуждаемых аспектов, который возникает в воспоминаниях жителей западных областей Беларуси, является вопрос о еврейском благосостоянии. Любопытно отметить, что у белорусов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянской среде, понятие «богатство» ассоциировалось прежде всего со значительной земельной собственностью, наличием большого количества скота и принадлежностью к властным структурам. Вследствие этой чисто крестьянской ментальности в качестве примеров богатых людей респонденты называют местных «панов» – владельцев имений, как правило, поляков по национальности. В случае с евреями мерилom богатства в глазах сельских жителей выступала не земля, а бытовое благосостояние, которое ассоциировалось с городским образом жизни. Евреи, проживавшие в деревне и местечке, или появившиеся в силу своих занятий в сельской местности, воспринимались как носители городской культуры. В воспоминаниях определены такие критерии еврейского материального благополучия как дома (квартиры), мебелировка, одежда, повседневная пища, драгоценности, деньги, возможности ездить за границу, заниматься бизнесом и использовать наемный труд:

«Естественно, евреи были богаче белорусов, поляков, даже некоторых помещиков. У них было много золота, так тогда все считали, но откуда оно у них никто не знал и не пытался узнать. Любой еврей-ремесленник был богаче, чем самый зажиточный белорусский крестьянин» (Загонская 1998).

«Жиды жили как-то более культурно, чем мы, меньше работали, занимали людей» (Романович 2005).

«Евреев в местечке было много. Жили они по сравнению с белорусами лучше, можно было назвать их даже богатыми. Дома у них были больше и лучше. Занимались торговлей, ездили по разным городам и привозили оттуда товары, в основном из Вильни, продавали в своих лавках. Белорусы евреям немного завидовали, так как те жили лучше, но вражды не было» (Кулик 2001).

«Евреи жили богато. Они могли себе позволить частое употребление мяса, селедки... Они красиво одевались. В домах у них тоже была обстановка лучше. На полу у них были засланы коврики» (Плешевич 2005).

«Одевались евреи как городские, культурно» (Сурма 2006).

«Еврейская молодежь одевалась очень модно, так как у них были родственники в Америке, которые присылали шикарную одежду. Мы специ-

ально ходили после обеда на рынок, чтобы поглядеть, во что одеваются еврейские модницы. Были это красивые женщины» (Недельская 2001).

«Если у евреев и возникали трения с местными жителями, то это происходило прежде всего из-за их зажиточности. Евреи были богаче других, так как занимались в основном ремеслом и торговлей» (Крачак 2001).

Но значительная часть респондентов отзывается о материальном положении еврейского населения гораздо более сдержанно. Белорусы, повседневно наблюдая жизнь еврейских соседей, замечали разницу в достатке еврейских семей и вспоминают о еврейской бедноте:

«Да, были, конечно, евреи богатыми по сравнению с остальными. Но были и бедные евреи, даже нищие» (Пакисмук 2001).

«Много было и очень бедных жидов, что с котомками ходили по хатам, радуясь корке хлеба» (Хилимонюк 2001).

«Евреи много не ели, не чревоугодничали, на завтрак съест яичко и всё – идёт работать...» (Пакисмук 2003).

«Что касается жидов, то люди разные байки про их рассказывают, говорят, что они все богатеями были. Но я не слушаю те байки, так как сам знаю, как было по правде. Правда, были богатые жиды: и купцы, и адвокаты, и доктора, и музыканты, но полно было и бедноты жидовской. Я сам не раз давал пару грошей жидовским нищим. Для меня жид – такой же человек, как и я. Он мне брат» (Петр Болтрик, д. Смоляница Свислочского района; цит. по: Пивоварчик 2003).

Значительная часть респондентов отмечает такие качества евреев как трудолюбие, честность и бескорыстие. Нельзя не отметить, что если сообщения о еврейской хитрости носят абстрактный характер, то рассказы о еврейском трудолюбии, умениях выполнять различные работы по хозяйству и желании прийти на помощь соседям, в том числе соседям-христианам, как правило, проиллюстрированы конкретными примерами:

«Когда наша семья переехала из России, мы ничего не имели. Один пожилой еврей дал нам телочку на время, пока она не родила теленка, которого еврей подарил нашей семье» (Мартысюк 2005).

«Расскажу такую историю. У нас в семье погибла лошадь. Хозяйство без коня – это не хозяйство. Мой отец начал думать, где взять деньги на лошадь: “Поляки знакомые не дадут, надо тогда идти к еврею”. Знакомого еврея звали Михуль. Но он был не богат, поэтому не смог помочь отцу, но сказал, чтобы тот не огорчался, потому что заведет его к богатому еврею. Когда зашли к богатому, то он начал приносить соболезнования по поводу потери лошади и все говорил: “Да, это беда!”. Затем он спросил, сколько надо денег. Отец ответил: “200 злотых”. Еврей сразу дал эти деньги. Отец спросил, как расплатиться: по векселю (с процента-

ми) или как? Он ответил: “Будешь рассчитывать с Михулем”. Когда вышли из дома богатого еврея, отец спросил Михуля: “Как мне с тобой рассчитывать?” Он ответил: “Не надо ничего. Когда-нибудь дашь пару килограмм картошки – и все”. Вот такие были евреи. Они были очень хорошими специалистами. Очень хорошими» (Пакисмук 2003).

«В нашей деревне жил старый еврей. Мы, местная ребятня, никак не могли произнести правильно его имя (а сейчас я его и совсем забыл), поэтому называли его просто “дед”. Работать из-за старости он был уже не в состоянии, но прекрасно умел делать разные игрушки из глины, коры деревьев, разных ненужных вещей. За это его все очень любили. В его дворе всегда толпились дети» (Кравчук 2001).

«Евреи были хорошими людьми. Помогали в беде. У них всегда можно было одолжить деньги. Когда я 10 января 1936 года выходила замуж, то у нас дома ничего не было загодя подготовленного, поскольку были у меня старшие сестры, и мама не надеялась, что я так быстро выйду из дому. Пошла тогда мама к еврейке Добе, которая держала магазин с тканями при рыночке от Норваской улицы (сегодня тут парк при Клещевской улице) [Описывается происходящее в местечке Орли. – Е. Р., И. Е.] и достала в кредит покрывала, полотенно, полотенца, простыни и другое. Осенью мама продала гусей и вернула долг. А на улице Млыновой жила вдова Анна, еврейка. Когда мне зимой нужны были валенки и галоши, а как раз не было денег, тогда она дала мне их и чулки в кредит, а позднее муж заработал денег и заплатил» (Недельская 2001).

В записанных устных воспоминаниях содержится признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующиеся спросом товары и услуги. Многие респонденты отмечают дешевизну товаров в еврейских магазинах и лавках, вспоминают различные приемы, которые применяли еврей-торговцы, чтобы привлечь покупателей, возможность обменивать товары на сельскохозяйственные продукты, систему скидок, обходительность торговцев, их желание угодить клиенту. В сельской местности существовало острая проблема нехватки наличных денег. Для белорусского крестьянина возможность занять деньги у знакомого еврея было огромным удобством. На самых приемлемых условиях и без всякого юридического оформления документов евреи одалживали различные суммы денег, отпускали в кредит товары, что существенно облегчало решение повседневных проблем ведения хозяйства белорусскими крестьянами и горожанами.

Особое уважение у респондентов вызывают еврей-ремесленники. Обращение к услугам евреев-кузнецов, сапожников, портных считалось нормой сельской жизни. Многие респонденты подчеркивают профессионализм и высокое качество предлагаемых евреями услуг, а также возможность обучаться у них ремесленной специальности. Ещё одна важная деталь, характеризующая взаимоотношения евреев и соседей, – возможность заработать

у евреев, поправить свое материальное положение. В белорусской деревне имел значение буквально каждый заработанный злотый, о чем свидетельствует тот факт, что в воспоминаниях жителей западных областей Беларуси, переживших много денежных реформ и изменений цен на товары, с документальной точностью указывается стоимость различных товаров и регламентация оплаты различных видов работ.

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ еврея в восприятии жителей западных областей Беларуси накануне второй мировой войны. Этот образ неоднозначен, поскольку и отношение к евреям со стороны принимающего общества было двойственным. Если суммировать все исходные данные, обобщив сообщения респондентов, можно нарисовать два собирательных еврейских портрета:

1. *«Плохой» еврей.* В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Это хитрый, расчётливый, скрытный человек, манипулирующий другими, менее предприимчивыми, «простыми» людьми. «Плохой» еврей представляет определенную опасность для окружающих: он может обмануть, воспользоваться неграмотностью «простых» людей, использовать их в своих целях. «Плохой» еврей живет по своим законам в чужом мире, познать который невозможно и проникать в который опасно. У «плохих» евреев все не так, как в своем, привычном мире, еврейский мир – это закрытый мир, враждебный белорусу, что чувствуется им на интуитивном уровне (конкретных доказательств вреда, причиняемого евреями нет, но от этого убежденность в способностях евреев вредить другим людям не становится меньшей).

Оппозиция «свой–чужой» в отношении еврейского населения в рассказах респондентов обозначена достаточно четко. Понятие «чужой» определялось на основании особенностей внешности, культуры, религии, жизненного уклада.

Дистанция между еврейским и нееврейским населением, особенно в сельской местности, выдерживалась строго и неукоснительно. Браки с евреями были исключением, а объяснения причин редких случаев заключения смешанных браков чрезвычайно показательны. С одной стороны, жители западных областей Беларуси склонны считать, что связать свою судьбу с представителем еврейского народа – значит опозорить свою семью, а с другой стороны подчеркивается нежелание евреев идти за заключение браков с белорусами, даже опасность подобных попыток:

«Были случаи, когда на жидовках женились, но это было опасно, могли убить» (Григорук 2001).

«Замуж за жида никто из деревенских девчат не шёл, так как не возьмет» (Чикван 2001).

«Таких “смешанных” браков в нашей деревне не было. Да это и запрещалось, тем более, что считалось непристойным выходить замуж за жида» (Бондарь 2005).

«Ни белоруска, ни полька никогда не вышла б замуж за еврея – это был большой позор» (Иванюк 2003).

Нарративы о евреях содержат отзвуки «кровавых наветов». Конфессиональный антагонизм между христианской и иудейской культурами обуславливал сохранение суеверий, своими корнями уходящих в средневековые традиции, об использовании евреями христианской крови для ритуальных действий:

«На еврейскую Пасху дети всегда приносили в школу мацу, она была очень вкусная. Но родители всегда говорили нам, что для того, чтобы испечь её евреи обязательно должны были намешать в тесто людской крови...» (Левонюк 2001).

«Евреями пугали маленьких детей, что евреи их украдут, им нужна детская кровь. Её добавляют в мацу – это такие булочки из теста, наподобие церковных просфор» (Бурак 2002).

«Я даже ела еврейскую мацу (это на пасху пекли из муки наподобие макарон такое блюдо). Нас страшили старшие, что жиды в эту мацу добавляют человеческую кровь. Но я не видела и не знаю: белые, обыкновенные макароны» (Хоха 2002).

В подобных воспоминаниях запечатлено стремление со стороны взрослых создать межэтническую дистанцию в детской среде, передать молодому поколению запрет приобщаться к чужой религии, чужой культуре, предавая собственные культурно-религиозные ценности.

2. *«Хороший» еврей.* В этом образе аккумулированы позитивные качества. «Хорошие» евреи отзывчивы, готовы прийти на помощь своим соседям, доброжелательны и открыты. Положительно характеризуя евреев, многие отмечают сплоченность евреев, еврейскую солидарность. Эти черты вызывают уважение и оцениваются как образцовые, достойные того, чтобы перенимать их, учиться взаимовыручке. Респонденты с одобрением отмечают такие качества евреев, как стремление дать детям образование, приверженность трезвому образу жизни:

«“Евреи” всегда были дружны между собой, поддерживали и помогали друг другу» (Андросюк 2004).

«Все евреи держали магазины. Евреям, приехавшим в Деречин, они все вместе помогли открыть своё дело» (Гениуш 2005).

«Все богатые евреи по наставлению раввина должны давать в синагогу, раввину, 1 злотый на нищих каждую неделю. А он раздавал их немущим» (Пакисмук 2003).

«Необходимо отметить, что межнациональная сплоченность в самой еврейской касте настолько сильна, что всем остальным национальностям следует поучиться и позавидовать. Евреи держатся вместе, помогают

друг другу и доносов не делают. Интересно отметить, что еврейская невеста, не имеющая надлежащей денежной суммы, т.е. бедная невеста, получала от всего еврейского кагала приличные деньги и таким образом она имела необходимый материальный достаток, что позволяло ей спокойно выходить замуж. Сплоченность евреев позволила им выжить в любых государствах» (Парфенюк 2003).

«Да и ума у них “евреев” больше было. Деток своих они всегда отдавали на учебу, а у нас до войны мало кто в школу ходил» (Янчук 2001).

Жители западных областей Беларуси как на индивидуальном, так и на коллективном уровне участвуют в создании параллельно сосуществующих в исторической памяти негативно и позитивно окрашенных образов еврея. В устных воспоминаниях еврей предстает одновременно в нескольких ипостасях: как «плохой» и «хороший», мошенник и помощник, опасный и безобидный сосед. Пожилые люди, которые сталкивались с евреями эпизодически, более склонны к демонизации евреев, чем люди, прожившие бок о бок с евреями много лет. Жители деревень и местечек, где евреи составляли значительную часть населения и где межэтническое взаимодействие строилось на постоянной основе, в большей степени склонны к созданию идеализированного образа соседа-еврея. Безусловно, на оценку современных респондентов особое влияние оказала судьба еврейского народа в годы второй мировой войны. Трагедия Холокоста, не оставившая равнодушными жителей западных областей Беларуси, наложила свой отпечаток на воспоминания людей. Сочувствие к погибшим придает определенный оттенок рассказам о характере довоенных взаимоотношений с евреями, вызывает со стороны респондентов желание уклониться от воспоминаний об отрицательных сторонах межэтнических контактов.

Анализ собранных материалов устной истории позволяет представить определенную систему этнического взаимодействия, сложившегося на территории западных областей Беларуси накануне Второй мировой войны. Отношения между евреями и белорусами регулировались на основании своего рода кодекса – неписаных правил, которые формировались на протяжении веков. Этническая солидарность между евреями и белорусами возникала прежде всего в хозяйственной сфере, где эти группы выступали как взаимодополняющие друг друга элементы. Инициативы в установлении рыночных отношений и активизации деловых контактов исходили во многом именно от евреев. Отсюда признание со стороны белорусов способностей евреев вести выгодную торговлю, предлагать разнообразные, пользующие спросом товары и услуги. В ряде случаев предприимчивость евреев раздражала и воспринималась как некий «еврейский заговор», договоренность не пускать в наиболее выгодные сферы деятельности белорусов. Неписанные правила невмешательства в сугубо «внутриэтнические» дела иной раз нарушались детьми и подростками, у которых особенности чужой культуры вызывали повышенный интерес.

Воспоминания помогают определить основные принципы, которых придерживалось еврейское население, существуя в иноэтнической среде:

Адаптация. Евреи обладали высокой степенью коммуникативности, были ориентированы на то, чтобы подстраиваться под существующие условия и по возможности изменять их для улучшения качества жизни. Евреи были способны мимикрировать в любом окружении. Адаптация выражалась в том, что евреи хорошо знали местные языки и диалекты, местные традиции и обычаи, психологию окружающих. Евреи достаточно гибко реагировали на изменение политической и рыночной конъюнктуры, приспосабливались к требованиям принимающегося общества и немалых успехов достигли в том, чтобы обеспечивать собственные интересы и даже войти в состав экономической элиты.

«Обеспечение безопасности». Поведение евреев в повседневной жизни было продиктовано необходимостью создания таких внешних связей в принимающем обществе, которые могли служить гарантией безопасности жизни и имущества еврейского меньшинства. Горький опыт пережитых погромов и грабежей способствовал тому, что выработывалась определенная манера общения с представителями других этнических групп. Соображения безопасности, т.е. поддержание нормальных отношений с окружением, были превыше материальной выгоды. Споры и дразги, возникающие на бытовом уровне решались мирным путём, часто без обращения в официальные инстанции. Пожалуй, умение евреев разрешать конфликты без конфликтов, и порождали легенды об их хитрости и уме.

«Сохранение идентичности». Проницаемость еврейской общины была ограниченной. Контакты с принимающим обществом устанавливались только в определенных сферах взаимодействия и не касались религии, традиций и культуры.

Взаимоотношения евреев и белорусов можно определить как этнический компромисс. Интеграция евреев в принимающем обществе была глубокой только в хозяйственной сфере. Это был не совсем надежный путь укрепления фундамента межэтнических отношений. Да, во многих воспоминаниях жителей западных областей Беларуси содержатся утверждения о полезности евреев, их активном участии в жизни местного сообщества, одобрительные отзывы об их деятельности. В условиях господства в белорусской деревне того периода практически натурального хозяйства с помощью евреев можно было решить проблему приобретения промышленных товаров первой необходимости, выручить за реализацию продуктов сельского хозяйства деньги, сэкономить на поездке в город, приобрести товар в кредит или одолжить определенную сумму на самых льготных условиях. Но в некоторых сообщениях респондентов явно чувствуется, что для поддержания хороших отношений с евреями им необходимо было сделать над собой некоторое моральное усилие, т.е. хорошие отношения были связаны с преодолением антипатии (кстати, не исключено, что взаимной). Евреи обладали хорошим экономическим ресурсом и умело распоряжались им, но модель взаимоот-

ношений с другими этническими группами в силу этого имела дефекты, придавала хрупкость всей конструкции. Как только кардинально изменились исторические условия, выяснилось, что ни евреи, ни титульный этнос не были готовы к преобразованиям и быстрой перестройке отношений. В ходе советизации в 1939-1941 гг. западных областей Беларуси выяснилось, что взаимные претензии, которые гасились в предыдущий период, ждут подходящего случая, чтобы выплеснуться наружу (См.: Розенблат, Струнец 2003).

Даже спустя десятилетия после исчезновения компактно размещенных еврейских общин память о прошлом и той роли, которую играли в нем евреи, продолжает оказывать влияние на современную жизнь. По меткому замечанию российского этнолога О.В. Беловой: «В опустевшем культурном пространстве возникает “новая мифология” об ушедшем народе, о тех, кого нет...» (Белова 2012).

Сохранению межэтнических границ в западных областях Беларуси в 20-е – 30-е годы XX в. способствовали патриархальность и традиционализм местного общества, низкий уровень урбанизации и модернизации, особенности менталитета жителей сельской местности. Необходимо учитывать и политику польских властей, способствующую не только сохранению очевидной иерархии этнических групп, но и направленную на увеличение дистанции между «высшей кастой» – поляками – и остальными этническими группами.

Западнобелорусское общество 1920-х – 1930-х гг. было этнически структурировано, границы между этническими группами были достаточно жестко закреплены. Часть респондентов, характеризуя евреев, сравнивает их с другой компактной этнической группой, существующей обособленно от белорусов – поляками. В таких случаях проявляются определенные тенденции. Несмотря на казалось бы обусловленную близость между белорусами и поляками (конфессиональную, хотя белорусы – православные, а поляки – католики; культурно-языковую – единое славянское происхождение), различие в социальном статусе поляков и белорусов в польском государстве создавало напряженность в межэтнических отношениях. На фоне поляков, которые в иерархии польского общества занимали самое привилегированное положение, евреи в глазах белорусов были ближе, поскольку были такими же приниженными и бесправными. Несмотря на различия – в занятиях, уровне достатка, традиций и культуры – белорусов и евреев роднило то, что они ощущали свою правовую несостоятельность. Поляки были над всеми остальными (люди, обладавшие властью и контролирующими функциями, т.е. обидчиками), а евреи были рядом – равней.

Материалы устной истории, запечатлевшие воспоминания жителей западных областей Беларуси о событиях 1920-х – 1930-х гг., содержат оценки и суждения «маленького человека» о польском государстве и польской власти, позволяют понять всю палитру отношений к соседям-полякам, выявить наиболее распространенные стереотипы о представителях этой этнической

группы. Чаще всего, характеризуя поляков, респонденты упоминают об учителях, панах (помещиках), реже – о врачах, ксендзах, офицерах, полицейских и осадниках.

Многие респонденты, вспоминая о своем детстве, говорят о польской четырех- или семилетней школе и гордятся тем, что проучившись «при поляках» всего два-три года, научились читать и писать по-польски, сохранив эти умения до настоящего времени. Некоторые авторы воспоминаний с сожалением отмечают, что не имели возможности продолжить образование.

Учителя-поляки занимают особое место в материалах устной истории в Западной Беларуси. Детям и подросткам они внушали почтение и страх. Сельская или городская школа была почти таким же сакральным местом как церковь или костел. Авторитет учителя, как правило, признавался и учениками, и их родителями, хотя учителя были разными. Одни выполняли свои обязанности формально, подчеркивали дистанцию между собой и «туземцами», кичились своей образованностью. Другие искренне интересовались детьми, поддерживали способных и талантливых, старались сделать школьную жизнь более яркой. В польской школе царила строгая дисциплина, звучала польская речь, внешний вид учащихся должен был соответствовать определенным правилам, дети обязаны были соблюдать нормы этикета, порядок поддерживался с помощью постоянно практиковавшихся жестких методов наказания.

Практически все респонденты отмечают, что за нарушение дисциплины, невыученный урок, различные провинности учителя больно били линейкой по рукам, это называлось «дать по лапе» (ученик по требованию учителя должен быть вытянуть руки вперед, учитель наносил сильный удар). Практиковались такие методы наказания как оставление ученика в школе без обеда (пока не выучит материал), отсаживание за специальную «штрафную» парту, на которой была обидная надпись (например: «осел»), приказ стать на колени в угол на гречку. За особо тяжкие провинности ученик мог быть наказан розгами в кабинете директора. Достаточно типичны следующие отзывы о школьной атмосфере того времени:

«Была у нас школа, в которой учились 7 классов. Учителя обходились с нами жестоко. Били нас указкой по рукам, если мы не хотели учиться. Обучение велось на польском языке. И мы должны были разговаривать по-польски. До сих пор я помню этот язык, хотя закончила только 4 класса. Домашние заботы не дали закончить 7 классов. Между собой мы разговаривали по-тышковичскому [имеется в виду местный говор жителей деревни Тышковичи. – Е. Р., И. Е.]. Но при учителях это запрещалось. По-белорусски учились писать дома. Сами. Этот язык мы перенимали от старших» (Бондарь 2005).

«В Шенях была семилетняя начальная школа, в которой я училась с 1926 по 1931 гг. и закончила 5 классов. Отношение учителей к ученикам было в основном хорошее, хотя мне пришлось уехать из Пружан на учебу

в Вильню, так как мой учитель занижал мне оценки и всячески не давал мне окончить обучение, потому что я не захотела перейти в католичество» (Котловская 2005).

«Поляки поощряли умных детей, одного особо одаренного даже отправили учиться за их счет в Варшаву. Он, говорят, потом стал врачом. Но, несмотря на это, в школе была жесткая дисциплина, за непослушание или за неаккуратность били линейкой по рукам» (Бобрук 2005).

Учитель ассоциировался с представителем польской власти, воспринимался как ее носитель и проводник политики польского государства. В бытовательском смысле учитель-поляк наглядно демонстрировал разницу между высшим и низшим сословиями. Учителя/учительницы модно и дорого одевались, являясь с точки зрения малообразованных жителей-белорусов образцами безупречного вкуса и поведения. По местным меркам зарплаты учителей были весьма высокими и позволяли им даже в самых глухих деревнях вести практически городской образ жизни (с покупкой дорогих вещей, выписыванием газет и журналов, поездками и развлечениями).

Отдельные примеры показывают, насколько велика была разница между учителем-поляком и местными жителями. Так, в д. Стрии Кобринского р-на Брестской области учителем был поляк из Гданьска пан Зволинский. Когда в 1939 г. его призвали в армию, местные жители узнали, что он оставил на съемной квартире 40 костюмов (Левонюк 2001). В тот период даже белорусские крестьяне, относящие себя к обеспеченным семьям (т.е. имеющие достаточно большое хозяйство с землей, несколькими коровами и лошадьми), носили домотканую одежду. Женский гардероб, как правило, составляли две юбки – праздничная и повседневная, а покупка обуви была целым событием в жизни семьи. Следует отметить, что отсутствие обуви нередко являлось непреодолимым препятствием для посещения детьми школы в зимний период. Многие респонденты говорят о том, что родители-белорусы, в отличие от поляков и евреев, не стремились к тому, чтобы дети получали образование, в большей степени ориентировали детей на помощь в сельскохозяйственных работах, чем на учебу в школе.

Польская школа была тем местом, где происходило тесное взаимодействие между детьми разных национальностей. Большинство жителей западных областей Беларуси утверждает, что отношения между учащимися не были враждебными, в воспоминаниях встречаются сообщения о дружьях-поляках или евреях. Однако часть материалов устной истории содержит информацию о конфликтах между школьниками, имеющих национальную окраску. Некоторые респонденты считают, что состоятельные поляки запрещали своим детям играть и дружить с белорусами.

Формирование отношения к представителям иных этнических групп происходило, прежде всего, в семье. Дети в общении со сверстниками-поляками или евреями воспроизводили модель поведения родителей. Дружба белорусских и польских детей, так же как и вражда, были скорее исклю-

чением из правил. Взрослые предпочитали оставаться в своей этнической среде, так же поступали и дети. Негласные правила прочно удерживали школьников в границах своей этнической группы.

Отношение к полякам-панам – владельцам богатых имений, ведущих аристократический по местным меркам образ жизни, было со стороны белорусов неоднозначным. Ряд респондентов с уважением отзываются о стремлении панов к порядку, об образцовом ведении хозяйства. Многие имения являли собой эталон в организации работ, применении специальной техники, использовании новых культур, разведении лучших пород. Дети и подростки, попадавшие впервые в имение рачительного пана, на всю жизнь запоминали яркие впечатления от вида аллей, высаженных экзотических деревьев, ухоженности сада, красоты оранжерейных цветов, оборудованных уголков отдыха с прудами и беседками.

Важной деталью, характеризующей взаимоотношения белорусов и панов-поляков, являлась возможность заработать в имении. С одной стороны, белорусов возмущала несправедливость: контраст между богатством поляков-панов и бедностью крестьян был слишком велик, но, с другой стороны, в устных воспоминаниях звучат слова благодарности в адрес панов, которые предлагали оплачиваемую сезонную работу, оказывали помощь малообеспеченным соседям и могли поддержать в трудной ситуации (дровами, строительными материалами, деньгами, тяглой силой, семенами, советом). Жительница д. Именины Кобринского района вспоминает, что местный пан прекрасно ладил с крестьянами, к нему охотно шли наниматься на работу, оплата была еженедельной и достаточно высокой, иногда пан сам принимал участие в хозяйственных делах и выпивал вместе с крестьянами, он любил пошутить и был в курсе всех дел в округе, имея своих осведомителей, но никто его не боялся, поскольку видели от него и его жены-француженки только хорошее (Шеян 2007). Наиболее ярко о симпатиях белорусских крестьян говорят факты ходатайств и попыток заступничества за владельцев имений в период советской кампании арестов и депортации поляков после присоединения западных областей Беларуси к БССР в 1939-1941 гг.

Вместе с тем, многие респонденты рассказывают о том, с каким нетерпением они ждали прихода Красной армии, как торжественно встречали советских солдат и командиров, радовались краху польской власти. Память людей сохранила воспоминания о том, как местные жители принимали участие в грабежах панских имений и даже убийствах поляков. Накопившаяся напряженность, обусловленная социальными и межэтническими претензиями, выплеснулась в действия, носившие криминальный характер. Некоторые респонденты оправдывают насилие по отношению к полякам тем, что польские паны отличались жестокостью, притесняли и эксплуатировали крестьян. В таком контексте грабежи польских имений выглядят как возмездие – акт социальной и человеческой справедливости.

Власть в городе, местечке и деревне олицетворяли представители польской администрации и полицейские. Жители западных областей Беларуси

старались не нарушать требований соблюдения детально регламентированного порядка. Респонденты воспроизводят подробности, свидетельствующие о внимании представителей властей ко многим мелочам: дымоходы должны были быть побелены, в каждом доме должен был находиться «босак» (инструмент, применяемый для тушения пожара). По очереди в деревне несли «варту» – ночное дежурство, следили за порядком. Штраф (2 злотых) грозил за то, что собака была отвязана раньше 10 часов вечера. Особенно бдительно полицейские следили за политическими настроениями и жестко пресекали попытки принимать участие в любых акциях, свидетельствующих о просоветской позиции. Сельскую молодежь, которая собиралась петь советские песни, полицейские разгоняли дубинками. Дома людей, чей родственник переходил границу и оказывался в СССР, «обрывали» (сдирали с крыши солому), а их семьи брались под особый контроль. Затрагивая в воспоминаниях подобные сюжеты, респонденты подчеркивают, что у поляков были основания чувствовать свое превосходство, поскольку западные области Беларуси входили в состав польского государства, стоявшего на страже интересов в первую очередь польского населения:

«Поляки были в принципе такие же люди, как и мы, только относились к нам с большим высокомерием. Поляки считали себя «завоевателями», а белорусов, естественно, покорёнными. Поведение тогдашнего поляка можно сравнить с нынешними «новыми русскими», т.е. они – самые лучшие, у них есть всё и им всё можно, а с простыми людьми можно не считаться, называли нас “быдлом”» (Крачак 2001).

Материалы устной истории позволяют реконструировать образ поляка в восприятии жителей западных областей Беларуси накануне второй мировой войны. Отношение к полякам со стороны белорусов было различным, диапазон мнений и оценок достаточно широк. Если суммировать все исходные данные, можно нарисовать два собирательных полярно противоположных портрета поляка:

«Плохой» поляк. В этом образе преобладают отрицательные характеристики. Поляки – богаче, они лучше одеты и лучше питаются, считают себя умнее других, у них власть, престижная работа, за ними стоит государство, обеспечивая им защиту и привилегии. В случаях конфликтов с белорусами поляку априори было гарантировано доказательство его правоты, это соображение заставляло местных жителей относиться к полякам с опаской. Соседи-поляки – это фактор дополнительной тревоги, раздражения, страха, злости. Многие жители Западной Беларуси характеризуют поляков как заносчивых, высокомерных и враждебно настроенных по отношению к другим этническим группам:

«Для панов мы были люди второго сорта, они считали нас глупыми, поэтому общались с нами мало. Особенно предвзято относились к нам паничи. Они были всегда высокомерны и одним своим видом показывали своё превосходство над нами» (Ильченко 1998).

«Поляки были очень гордые, ставили себя выше остальных» (Сурма 2006).

«Образ поляка в глазах белорусского населения, конечно, был негативным. Характерны такие черты, как высокомерие, пренебрежение к белорусскому населению, гордость. Называли белорусов “хамми”, в редких случаях, когда угодишь поляку, то “пане господажу”. К евреям поляки тоже относились недружелюбно. Постоянно слышалось: “Жыдзе проклятый”, “Польска для поляков”» (Пакисмук 2003).

Подобное дистанцирование поляков от других этнических групп вызвало ответную реакцию. Улавливая по отношению к себе замаскированное, а иногда и нескрываемое презрение, белорусы в качестве своеобразной «моральной компенсации» относились к полякам снисходительно-насмешливо, с юмором воспринимали их «национальную озабоченность» и гипертрофированное чувство осознания благородства собственного происхождения:

«У нашай мясцовасці да гэтых пор пераказваюць выпадак (ніхто не ведае, ці было гэта на самай справе, ці не) пра пана: улезлі ў агарод да пана гусі, а ён забраў іх сабе. А бабулька прыйшла да яго прасіць, каб ён іх аддаў, а пан ёй і кажа: “Плаці грошы – аддам!” А тая бабка і кажа: “Як із пана пан, то і так аддасць, а як з мужыка пан, то грошы возьме”. Дзявацца няма куды – аддаў гусей пан за так» (Романович 2005).

«Хороший» поляк. В этом образе сконцентрированы позитивные качества. Поляк – такой же, как и белорус: трудолюбивый, относящийся к другим с уважением. Среди положительных характеристик отмечаются чувство собственного достоинства, образованность, культурность (вежливость обращения с представителями более низких по социальному статусу групп, знаменитое галантное отношение к женщинам). «Хорошие» поляки отзывчивы и готовы прийти на помощь своим соседям:

«Был один случай. Брат мой учился в железнодорожном техникуме. Витя – мой брат – купался с друзьями на карьерах. Он как-то неосторожно прыгнул и повредил позвоночник. Был даже неподвижен. Его друг – Шиманский Тадеуш, из богатой польской семьи, помог положить его в военный госпиталь. Там его лечили бесплатно. Возле него сидела сиделка-медсестра» (Коваль 2008).

«У нас сгорел дом (его поджег мой младший брат), и поэтому мы перешли на другую землю и строили новый дом. Это были тяжелые времена, не хватало еды и одежды первое время, так как все сгорело. Мои родители смогли спасти документы и некоторые ценные вещи. В нашей деревне было не слишком много поляков, приблизительно 15 семей. Все эти семьи были более богаты, чем семьи белорусов, евреев, а тем более цыган. К полякам я сохранила хорошее отношение и по сей день, потому что две

польские семьи помогали нам. Они жили недалеко от нашего нового места жительства. Мы бежали к ним, и они давали мне и трем моим братьям еду, а иногда и ненужные вещи, которым мы очень радовались, потому как родители не могли такого позволить. Мы не ощущали к себе никакого презрительного отношения, вместе играли с их детьми» (Ляшук 2003).

Стереотипные оценки – упрощенные отзывы о соседях исключительно как о «плохих» или только как о «хороших» поляках – в материалах устной истории встречаются не очень часто. Гораздо более типичной является ситуация, когда респондент вспоминает о разных поляках, отмечая, что среди них были «плохие» и «хорошие». Стереотипизации образа поляка, как в сторону идеализации, так и в сторону демонизации, способствуют различные факторы.

Значительную роль в оценках и суждениях, которые звучат в воспоминаниях респондентов в отношении польской власти и поляков, играет то, насколько благополучной в материальном отношении была семья респондента в 1920-е – 1930-е гг., были ли особые счеты семьи респондента с польской, а затем с советской властью. Если близкие родственники респондента преследовались польскими властями, а положение семьи улучшилось в период советизации, субъективизм в отношении поляков возрастает, и портрет поляков-соседей рисуется черными красками. Соответственно, если «при Советах» семья утратила имущество, болезненно переживала отказ от частной собственности и коллективизацию, а среди родственников были репрессированные, мнение, что «при поляках было лучше» проецировалось на образ поляков-соседей. Безусловно, следует учитывать частоту межэтнических контактов, в которых принимали участие респонденты, их личный опыт общения с представителями польской группы, степень зависимости респондента от взглядов «большинства», т.е. отождествление собственного мнения респондента с коллективным мнением своей этнической группы.

Характерным для значительной части респондентов является тоска по жизни «за поляками». Последующие исторические события, которые вспоминаются респондентами как тяжелые, трудные, связанные с личными потерями, окрашивают воспоминания детства и отрочества польского периода в светлые тона. Как показывает изучение материалов устной истории, наибольшее недовольство жителей западнобелорусских территорий в 1939–1941 гг. вызывала начатая политика коллективизация и раскулачивания, негативные процессы в сфере торговли (дефицит товаров, очереди, закрытие частных магазинов и пр.), развёрнутая антирелигиозная пропаганда, репрессии. Период 1920-х – 1930-х гг. вспоминается в основном как время покоя, стабильности и порядка – тех показателей достаточно благополучной жизни, которые практически исчезли в 1940-е – 1950-е гг. Однако практически все респонденты транслируют осознание факта, что «при Польше» белорусы жили не в своем государстве, вынуждены были подчиняться порядкам, установленным поляками. Многие жители запад-

ных областей Беларуси относились к любому поляку как к человеку, чье правовое положение, возможности и жизненные перспективы были заведомо лучше, чем у белорусов.

В целом, изучение материалов устной истории позволяет сделать вывод о высокой степени этнотолерантности в западнобелорусском обществе в 1920-х – 1930-х гг. Белорусы достаточно адекватно воспринимали еврейских и польских соседей, хотя психокультурная этническая дистанция не только оставалась, но и на протяжении межвоенного периода практически не сокращалась.

Библиография

Записи интервью

Андросюк Лариса Ивановна, 1929 г.р., г. Брест. Запись 2004 г.

Бобрук Николай Сергеевич, 1923 г.р., д. Шубичи Пружанского района Брестской области. Запись 2005 г.

Бондарь Анна Зиновьевна, 1922 г.р., д. Тышковичи Ивановского района Брестской обл. Запись 2005 г.

Бурак Степанида Никифоровна, 1928 г.р., д. Дубок Брестского района Брестской обл. Запись 2002 г.

Гениуш Мария Вацлавовна, 1923 г.р., д. Валькевичи Зельвенского района Гродненской обл. Запись 2005 г.

Григорук Якуб, д. Дубичи - Церковные [в:] *У новай Айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Беластоцчыны ў міжваенны перыяд*. Беласток, 2001, с.192.

Загонская Надежда Никитична, 1927 г.р., д. Суховчицы Кобринского района Брестской обл. Запись 1998 г.

Иванюк Мария Васильевна, 1926 г.р., д. Бобровцы Брестского района Брестской обл. Запись 2003 г.

Ильченко Анна Фадеевна, 1927 г.р., д. Клещи Кобринского района Брестской обл. Запись 1998 г.

Коваль Екатерина Семеновна, 1930 г.р., г. Брест. Запись 2008 г.

Котловская Евгения Сергеевна, 1917 г.р., д. Шени Пружанского р-на Брестской обл. Запись 2005 г.

Кравчук Михаил Васильевич, 1916 г.р., д. Панасовичи Березовского района Брестской обл. Запись 2001 г.

Крачак Евгения Дмитриевна, 1928 г.р., д. Городище Каменецкого района Брестской обл. Запись 2001 г.

Кулик Валентина Ивановна, 1932 г.р., м. Раков Воложинского района Минской обл. Запись 2001 г.

Левонюк Мария Ульяновна, 1923 г.р., д. Стрии Кобринского района Брестской обл. Запись 2001 г.

Ляшук Мария Ивановна, 1926 г.р., д. Навицковичи Каменецкого района Брестской обл. Запись 2003 г.

Мартысюк Федора Павловна, 1913 г.р., д. Буяки Брестского района Брестской обл. Запись 2005 г.

Недельская Зинаида, м. Орли [в:] *У новай Айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Белароччыны ў міжваенны перыяд*. Беласток, 2001, с.205, 207.

Пакисмук Николай Романович, 1928 г.р., д. Прилуки Брестского района Брестской обл. Запись 2003 г.

Парфенюк Евгений Степанович, 1921 г.р., г. Брест. Запись 2003 г.

Плешевич Мария Казимировна, 1919 г.р., д. Мазурки Ляховичского района Брестской обл. Запись 2005 г.

Романович Ольга Григорьевна, 1929 г.р., д. Мотоль Ивановского района Брестской обл. Запись 2005 г.

Сурма Ефросинья Николаевна, 1922 г.р., д. Колдычево Барановичского района Брестской области. Запись 2006 г.

Хилимонюк Владимир, д. Тофилавцы [в:] *У новай Айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Белароччыны ў міжваенны перыяд*. Беласток, 2001, с.220.

Хоха Нина Владимировна, 1920 г.р., д. Соболяны Гродненской обл. Запись 2002 г.

Чиквин Павел, д. Дубичи – Церковные [в:] *У новай Айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Белароччыны ў міжваенны перыяд*. Беласток, 2001, с.238.

Янчук Константин, д. Каритиски (около Бельск-Подляска) [в:] *У новай Айчыне: Штодзённае жыццё беларусаў Белароччыны ў міжваенны перыяд*. Беласток, 2001, с.223-224.

Шеян Екатерина Калиновна, 1926 г.р., д. Именины, Кобринского района Брестской области. Запись 2007 г.

Литература

Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005.

Пивоварчик С. Этноконфессиональные стереотипы в поликультурном регионе (по материалам историко-этнологического изучения местечек Белорусского Понеманья) [в сб. ст.:] *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга*. М., 2003, с.361-376.

Розенблат Е., Струнец С. Поляки и евреи в Западной Белоруссии: динамика сближений и конфликтов (1939-1941 гг.) [в:] *Диаспоры*, 2003, №1, с.202-228.